

Отцу

Мы не виделись уже девять лет. Твои старые письма желтеют, а твои свитера, которые я ношу, уже не пахнут тобой. Твой голос остался только на пленке, кричит и шепчет из прошлого века. Твоя стихотворная «лесенка» в сегодняшней поэзии вышашается гордым, почти разрушенным памятником архитектуры, по которому никто не ходит — в лучшем случае послушают экскурсовода, посмотрят на масштаб, примут во внимание «сложное, неоднозначное время».

Эта «лесенка» ведет в небо.

Мы не виделись уже девять лет. Уходя, ты сказал: «Счастливы вам, девочки мои».

Я не знаю, как можно быть счастливой без тебя.

...В этой книге — твоё время, то самое, «сложное и неоднозначное», шальное и страшное, каким ты его видел и знал. И ты — каким оно видело тебя.

Сегодня твои стихи уже не воспринимаются как эхо времени. Скорее, само время кажется лишь отзвуком стихов, их заголовком — или последней строчкой.

Но я собирала эту книгу не для того, чтобы пере-

дать дух времени, и не для того, чтобы еще раз вспомнить о тебе — я помню тебя всегда. И не для того, чтобы рассказать кому-то: вот, жил такой поэт, писал стихи, был молодым, а потом перестал быть молодым, а потом умер, но стихи остались.

Я просто надеюсь, что тебе понравится. Или хотя бы будет интересно.

И еще одно — то, что я почти никогда не говорила тебе, но ты ведь и так это знаешь, правда?

Я люблю тебя.

Ксения Рождественская

Т О Л Ь К О
д е т с т в о

1936 год

* * *

Я родился —
нескладным и длинным —
в одну из влажных ночей.
Грибные июньские ливни
звенели,
как связки ключей.
Приоткрыли огромный мир они,
зайчиками прошлись по стене.

«Ребенок
удивительно смиренный...» —
врач сказал обо мне.
...А соседка достала карты,
и они сообщили,
что
буду я не слишком богатым,
но очень спокойным зато.
Не пойду ни в какие бури,
неудачи
смогу обойти
и что дальних дорог
не будет
на моем пути.
Что судьбою,

мне богом данной
(на ладони вся жизнь моя!),
познакомлюсь
с бубновой дамой,
такой же смирной,
как я...
Было дождливо и рано.
Жить сто лет
кукушка звала.

Но глупые карты
врали!
А за ними соседка
врала!
Наврала она про дорогу.
Наврала она про покой...
Карты врали!..
И слава богу,
слава людям,
что я не такой!
Что по жилам бунтует сила,
недовольство собой храня.
Слава жизни!
Большое спасибо
ей
за то, что мяла меня!
Наделила мечтой богатой,
опалила ветром сквозным,
не поверила
бабьим картам,
а поверила
ливням грибным.

СЫН ВЕРЫ

Я —
сын Веры...
Я давно не писал тебе писем,
Вера Павловна.
Унесли меня ветры,
напевали мне ветры
то нахально,
то грозно,
то жалобно.
Я — сын Веры.
О, как помогла ты мне, мама!
Мама Вера...
Ты меня на вокзалах пустых обнимала,
мама Вера.
Я —
сын Веры.
Непутевого сына
ждала обратно
мама Вера...
И просила в письмах
писать только правду
мама Вера...

Я —
сын Веры!
Веры не в бога,
не в ангелов, не в загробные штуки!
Я —
сын веры в солнце,
которое хлещет
сквозь рваные тучи!
Я —
сын веры в труд человека.
В цветы на земле обгорелой.
Я —
сын веры!
Веры в молчанье
под пыткой!
И в песню перед расстрелом!
Я —
сын веры в земную любовь,
ослепительную, как чудо.
Я —
сын веры в Завтра —
такое, какое хочу я!
И в людей,
как дорога, широких!
Откровенных.
Стоящих...
Я —
сын Веры,
презираю хлюпиков!
Ненавижу плаксивых и стонущих!..

Я пишу тебе правду,
мама Вера.
Пишу только правду...

Дел — по горло!
Прости,
я не скоро
вернусь обратно.

В СОРОК ТРЕТЬЕМ

Везет
на фронт
мальчика
товарищ военный врач...
Мама моя,
мамочка,
не гладь меня,
не плачь!
На мне военная форма, —
не гладь меня при других!
На мне военная форма,
на мне
твои сапоги.
Не плачь!
Мне уже двенадцать,
я взрослый
почти...

Двоятся,
двоятся,
двоятся
рельсовые пути...
В кармане моем документы, —
печать войсковая строга.

В кармане моем документы,
по которым
я — сын полка.
Прославленного,
гвардейского,
проверенного в огне...
Я еду на фронт.

Я надеюсь,
что браунинг выдадут мне.
Что я в атаке
не струшу,
что время мое пришло.

Завидев меня,
старухи
охают тяжело:
«Сыночек...
Солдатик маленький...
Вот ведь
настали дни...»
Мама моя,
мамочка!
Скорей им все объясни!
Скажи,
чего это ради
они надо мной ревут?
Зачем
они меня гладят?
Зачем сыночком
зовут?
И что-то шепчут невнятно,
и темный суют калач...